

Умер Виктор Мельников

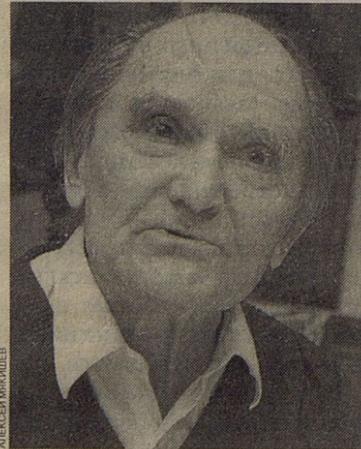
Коммерсантъ - 2006 - 7 февр. - с. 22.

НЕКРОЛОГ

В субботу в Москве умер Виктор Мельников, сын Константина Мельникова, хранитель его наследия и дома в Кривоарбатском переулке. Виктору Мельникову был 91 год. Судьба наследия его гениального отца остается неясной.

Виктор Мельников был художником. Он рисовал большие, чаще охристого цвета полотна, иногда абстрактные, иногда с элементами изобразительности. Из-за специфики его судьбы я бы затруднился дать стилистическое определение его работам. Он сознательно стоял в стороне от художественного процесса, не выставлялся, не продавал картин, не входил в контакт с современным ему искусством, он жил затворником и складывал свои холсты в доме своего отца. Этих работ сотни.

Он скрылся в тени своего великого отца. Он жил в его доме в Кривоарбатском переулке, доме, который входит сегодня в лю-

АЛЕКСЕЙ МАРКИШЕВ

бую историю архитектуры XX века, и этот дом невозможно представить без этого человека. В обрезанных валенках, старой кофте и обтрепанных штанах он открывал гостям сначала калитку, а позднее — уже только наружную дверь, ласково улыбался и начинал рассказывать об отце. Попастъ в дом можно было по рекомендации, так что оказывались там только люди, хорошо представлявшие себе, кто такой Константин Мельников, но он

все равно всем прочитывал лекцию о его значении и творчестве. С особым удовольствием — по-французски, бегло, но с каким-то старомосковским акцентом. Сначала о Константине Мельникове в целом, потом о доме, потом о том, как они пережили в этом доме войну, и постепенно — о себе и своих работах. Заканчивалось обычно заявлением о необходимости сделать в доме музей, сначала — музей отца, позже, к концу 90-х, — музей отца и сына Мельниковых.

Эта лекция, достаточно поверхностная просто в силу того, что за сорок минут, пока по его дому шли незнакомые люди, он немного успевал рассказать, казалась мне ненужным и даже неловким доведением к возможности посмотреть этот фантастический дом. Но первый раз я слушал ее в начале 90-х, последний — уже в начале 2000-х, и по мере того, как шло время, отношение к ней все больше менялось. Все больше становилось понятно, насколько он,

Виктор Мельников, является необходимым в этом доме.

Это был человек, который владел собственным домом на Арбате. Кроме того, он владел графическим наследием Мельникова. Это графическое наследие не описано и не оценено, но, судя по аналогам, речь идет об очень дорогой коллекции. То есть это был человек, владевший очень большим состоянием, больше десятка миллионов долларов.

Он был нищим. Нужда виделась во всем, в том, как он одет, в том, как он пьет чай с печеньем или конфетами, которые принесли гости. Это было нечто невероятное, но он действительно никогда не продал ни одной работы своего отца, и сама мысль об этом казалась ему кошмарной.

Он сохранил в этом доме дух своего детства — дух героической нищеты русского авангарда. На иностранных звезд архитектуры, приходивших в этот дом, это производило колоссальное впечатле-

ние. Они, уже привыкшие к тому, что авангард в архитектуре — это тема больших состояний, вдруг сталкивались с тем, с чего это все начиналось. На русских, пожалуй, производило впечатление другое. В самой фигуре Виктора Мельникова, в его старомосковской речи, опознавалась провинциальная тишина уже давно не существующих арбатских переулков, из которых вдруг выстрелила всемирная слава русского архитектурного авангарда, следом которой оставался его французский язык, немного запывлившийся от долгой невестребованности, но все еще готовый к употреблению.

Не то чтобы Виктор Мельников не осознавал своего состояния, не понимал, сколько же стоит все, чем он владеет. Прекрасно осознавал. Но в нем жило ощущение несоизмеримости великого творчества с какими-либо деньгами. Свысоты своей нищеты он презирал саму мысль о превращении искусства в имущество. С его смертью это прев-

ращение произошло само собой, и что теперь будет с этим дальше, абсолютно непонятно. Виктор Мельников постоянно настаивал на необходимости передачи всего, чем он владел, государству — для создания музея, но выполнить эту волю очень трудно.

По завещанию у него два наследника, оба с отягощенными правами. Недвижимое имущество завещано дочери, Екатерине Викторовне Каринской, но с тем, чтобы она устроила в доме музей отца и сына Мельниковых и потом передала дом государству. Графическое наследие отца и свои работы он оставил государству, но при условии, что они будут храниться в новосозданном музее. Но это только часть проблем. Домом он владел на правах наследника вместе со своей сестрой Людмилой Константиновной, наследником которой сегодня является Алексей Илькканав. Кроме Екатерины Викторовны у него есть вторая дочь, Елена Викторовна, которая обладает своими правами

на наследство. Два года назад в присутствии корреспондентов газет, в том числе и „Ъ“, Виктор Мельников обвинил ее в разномобразных грехах и лишил наследства. Но это решение противоречит российскому законодательству, не позволяющему ущемлять права наследников первой очереди в сфере недвижимого имущества. Для того чтобы создать в доме музей, нужно выкупить у всех наследников имущественные права на дом. Неясно не только, откуда взять деньги, но и сколько это стоит. В свое время в Минкульте обсуждалась сумма порядка \$2 млн, которая позволяла всем получить аналогичную площадь, но сегодня эта сумма кажется мало реалистичной. Даже если не учитывать, что это отдельный особняк в центре города, а просто взять цену квадратного метра в районе Арбата и помножить на площадь дома, получится сумма в два-три раза большая. Но это, повторю, не считая придомовой территории, а дом сто-

ит на отдельном участке за оградой. Если наследники не будут придерживаться описанной позиции героической нищеты, то цена в \$2 млн возрастает на порядок. Что касается коллекции, то она до сих пор не описана (эта работа постоянно останавливалась из-за неясности имущественных вопросов), и не совсем понятно, как она должна делиться. В свое время Виктор и Людмила Мельниковы договорились о неделимости наследства, но непонятно, насколько этот договор распространяется на их наследников. В общем, сегодня мы реально сталкиваемся с очередной угрозой потерять наследие Константина Мельникова, и от Екатерины Викторовны Каринской потребуются колоссальные усилия, чтобы исполнить волю отца. Я бы сказал — нереальные усилия, если в процессе не вмешается государство. В последние 15 лет оно эту проблему решить не смогло. Посмотрим, что будет дальше.

ГРИГОРИЙ РЕВЗИН